

СОВРЕМЕННАЯ КИНОАДАПТАЦИЯ ОТ СТИВЕНА СПИЛБЕРГА

Состоятельный лондонский денди ищет гувернантку для своих племянников. Он берет на работу молодую девушку и вверяет ей опеку над Майлзом и Флорой. Также он предупреждает девушку, что никогда, ни под каким предлогом она не должна его беспокоить, просить о чем-то, жаловаться или писать ему письма. Дети поражают гувернантку своей красотой. Они тихие и послушные, но очень странные. От экономки, мисс Гроуз, девушка узнает, что предыдущая гувернантка умерла при загадочных обстоятельствах. Однажды девушка замечает странные фигуры мужчины и женщины. Это призраки!.. В старом поместье начинает происходить что-то пугающее и необъяснимое.

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-5595-1

9 786171 255951

Генри
Джеймс

ПОВОРОТ
ВИНТА

Генри Джеймс

ПОВОРОТ ВИНТА

Генри Джеймс

Henry James

The Turn
of the Screw

Генри Джеймс

Поворот винта

ХАРЬКОВ КЛУБ
2019 СЕМЕЙНОГО
ДОСУГА

УДК 821.111(73)
Д40

Никакая часть данного издания не может быть скопирована
или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Перевод с английского
Н. Дарузес («Поворот винта»), *Э. Линецкой* («Зверь в чаше»)

Дизайнер обложки *Владлен Трубчанинов*

- © Н. Дарузес, наследники, перевод, 2018
- © Э. Линецкая, наследники, перевод, 2018
- © DepositPhotos.com / pocholocalapre@yahoo.com, IgorTishenko, обложка, 2018
- © Nemiro Ltd, издание на русском языке, 2019
- © Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2019

ISBN 978-617-12-5595-1

Поворот Винта

Повесть

Мы сидели перед камином и, затаив дыхание, слушали рассказчика, однако, помимо того что рассказ был страшный, как оно и полагается в старом доме накануне Рождества, помнится, никаких комментариев на этот счет не последовало, пока кто-то не обронил замечания, что он впервые слышит, чтобы такой призрак явился ребенку¹. Упомяну, кстати, что речь шла о появлении призрака в точно таком же старом доме, в каком собрались мы. Маленькому мальчику, спавшему в одной комнате с матерью, явилось самое ужасное привидение; он разбудил мать — не для того, чтобы она успокоила и снова убаюкала его, но чтобы она и сама, прежде чем успокоить ребенка, увидела то, что так его напугало. Как раз эти слова, не сейчас же, а позже вечером, вызвали у Дугласа реплику, на любопытное следствие которой я обращаю внимание читателя. Кто-то

---

¹ В первых трех томах Отчетов Парапсихологического общества (The Psychic Society) опубликованы десять эпизодов явления призраков детям. Генри Джеймс живо интересовался успехами в этой области исследований психики и лично знал ведущих членов Общества. Его брат, психолог и философ Уильям Джеймс, состоял в нем с 1884 по 1896 год. Парапсихологическое общество существует и поныне.

из нас рассказал еще одну, не слишком увлекательную историю, но, сколько я мог заметить, Дуглас ее не слушал. Судя по этому признаку, я решил, что ему самому хочется что-то рассказать, а слушателям остается только ждать, когда он начнет. И в самом деле, нам пришлось дожидаться всего два дня, но еще в тот же вечер, перед тем как мы разошлись по комнатам, он высказал то, что лежало у него на душе.

— Каков бы ни был призрак мистера Гриффина, я совершенно согласен, что в его появлении ребенку такого нежного возраста есть нечто странное. Насколько мне известно, это не первый случай подобного рода, когда в событии участвует ребенок. Если один ребенок дает действию новый поворот винта, то что вы скажете о двух детях?

— Мы, разумеется, скажем, что это дает винту два поворота! А кроме того, то, что мы хотим о них послушать.

Как сейчас вижу Дугласа, стоящего перед камином; повернувшись к огню спиной и засунув руки в карманы, он глядел на собеседников сверху вниз.

— До сих пор никто не знает этой истории, кроме меня. Уж слишком она страшна.

Естественно, раздалось несколько голосов, утверждавших, что это-то и придает ей особенную цену, а наш друг, спокойно предвкушая свой триумф, обвел взглядом всех собравшихся и продолжал:

— Эту историю не с чем сравнивать. Я не знаю ничего страшнее.

— Неужели нет ничего страшнее? — помнится, спросил я.

Казалось, ему не так просто было ответить: он, видимо, затруднялся дать более точное определение. Проведя рукой по глазам, он слегка поморщился:

— Да... по ужасу... по ледящему ужасу...

— Ах, какая прелесть! — воскликнула одна из дам.

Дуглас не обратил на нее внимания; он смотрел на меня, но так, словно видел не меня, а то, о чем сейчас говорил.

— По сверхъестественной жути, по страданию и по мукам.

— Ну, хорошо, — сказал я, — если так, садитесь и начинайте свой рассказ.

Он снова стал лицом к камину и, толкнув ногою полено, с минуту глядел в огонь. Потом обратился к нам:

— Начать так сразу я не могу. Придется посылать в город.

Все единодушно запротестовали; посыпался град упреков, и тогда Дуглас, видимо, поглощенный своими мыслями, объяснил нам:

— Все это записано, а рукопись заперта в столе, и уже много лет к ней никто не прикасался. Надо написать моему доверенному и послать ему ключ: он достанет пакет и пришлет сюда.

Казалось, ко мне в особенности он обращался с этими словами, словно умоляя оказать ему помощь в его колебаниях. Он разбил лед, нараставший в течение многих зим; очевидно, у него были свои причины молчать так долго. Остальным не хотелось откладывать чтение, но меня пленили именно его колебания. Я уговорил Дугласа послать письмо с первой же почтой и прочесть нам рассказ как можно скорее. Потом я спросил

его, не из личного ли опыта взял он такой случай. На что он немедленно ответил:

— О нет, слава богу, нет!

— Но рассказ ваш? Это вы его написали?

— Мое тут только впечатление. Оно заключено вот здесь. — И он прижал руку к груди. — Я не в силах его забыть.

— Так, значит, ваш манускрипт...

— Написан старыми, выцветшими чернилами и самым изящным почерком. — Он снова помедлил. — Женским почерком. Прошло уже двадцать лет, как она умерла. А перед смертью прислала мне эту рукопись.

Теперь все слушали Дугласа, и, разумеется, нашелся среди нас некий остроумец, охотник отпускать шуточки или, по крайней мере, делать намеки. Дуглас принял намеков без улыбки, однако и без раздражения.

— Это была очаровательная особа, но старше меня десятью годами. Гувернантка моей сестры, — спокойно ответил он. — Самая прелестная из женщин ее профессии, она была бы достойна самого высокого положения в обществе. Все это дело давнее, а эпизод, ею описанный, происходил еще того раньше. Я учился тогда в Оксфорде, в Тринити-колледже, и застал ее у нас в доме, приехав на летние каникулы. В тот год стояло прекрасное лето, я редко уезжал из дому, и в ее свободные часы мы гуляли в парке и беседовали — меня поражал ее незаурядный ум и утонченность. Да-да, не ухмыляйтесь: мне она чрезвычайно нравилась, и я до сих пор счастлив тем, что и я тоже нравился ей. Если б этого не было, она бы мне ничего не рассказала. Никому другому она ничего не рассказывала. Я это знал не только от

нее, но чувствовал и сам. Уверен, что она не говорила больше никому — это было ясно. Вы и сами в этом убедитесь, когда я прочту вам ее рассказ.

— Потому, что эта история такая жуткая?

Он пристально смотрел на меня.

— Вы сами в этом убедитесь, — повторил он, — вы это поймете.

Я смотрел на него так же пристально.

— Понимаю. Она была влюблена?

Тут он впервые улыбнулся:

— Вы очень проницательны. Да, она влюбилась. То есть еще до этого. Ее тайну раскрыли; ей невозможно было рассказывать без того, чтобы ее влюбленность не стала явной. Я ее понял, и она это видела, но мы с ней не сказали об этом ни слова. Помню и время и место: угол лужайки, тень от буков и долгий, жаркий летний день. Место действия не внушало никакого страха, и все же!..

Он отошел от камина и снова уселся в кресло.

— Вы получите пакет в четверг утром? — спросил я.

— Я думаю, не раньше чем со второй почтой.

— Отлично, тогда после обеда.

— Все мы соберемся здесь? — И он снова обвел нас взглядом. — Никто не уезжает? — В его тоне сквозила надежда.

— Мы все останемся!

— Я останусь!.. И я тоже останусь! — воскликнули те дамы, чей отъезд был уже назначен. Миссис Гриффин, однако, выразила желание узнать несколько больше.

— В кого же она была влюблена?

— Вы это узнаете из рассказа, — поспешил ответить я.

— Но я его не дождусь!

— Из рассказа этого нельзя будет узнать, то есть в буквальном, грубом смысле слова, — сказал Дуглас.

— Тогда тем более жаль. Мне только такой смысл и доступен.

— Дуглас, быть может, вы нам объясните? — попросил кто-то другой.

Дуглас вскочил с кресла.

— Да, завтра. А сейчас я иду спать. Спокойной ночи! — И, захватив свой подсвечник, он быстро удалился, оставив нас в легком недоумении. Из нашего угла в большом, темном холле нам слышны были его шаги по лестнице.

Потом заговорила миссис Гриффин:

— Ну что ж, если я не знаю, в кого она была влюблена, зато знаю, в кого был влюблен Дуглас.

— Но ведь она была на десять лет старше, — заметил ее муж.

— В этом возрасте — *raison de plus*¹! Но как это мило, что он так долго молчал!

— Сорок лет, — заметил Гриффин.

— И наконец такая вспышка!

— Эта вспышка даст замечательный эффект в четверг вечером, — возразил я, и все остальные согласились со мной, — в ожидании четверга мы ничем более уже не интересовались. Была рассказана еще одна малоувлекательная история, похожая на первую главу романа с продолжением, и все мы, распроставшись на ночь и захватив свои подсвечники, отправились спать.

Наутро я узнал, что письмо и ключ уже отправлены на лондонскую квартиру Дугласа с первой почтой. Однако,

---

¹ Тем более (*фр.*).

вопреки этому быстро распространившемуся известию, а быть может, и благодаря ему, мы не стали докучать Дугласу до после обеда — до вечернего часа, который более всего соответствовал тем эмоциям, которые мы предвкушали и на которых сосредоточивались наши надежды. И тут он стал до такой степени разговорчивым, что большего нельзя было желать, и даже объяснил нам почему. Мы снова слушали его, собравшись у камина в холле, как и вчера вечером, и испытывая приятное волнение. Оказалось, что повесть, которую он обещал нам прочесть, для полного понимания действительно нуждалась в кратком прологе. Да будет мне дозволено сказать прямо, чтобы покончить с этим раз и навсегда, что эта повесть, то есть точная копия с нее, сделанная мною спустя много лет, есть та самая, которая следует ниже. Бедный Дуглас перед своей смертью — когда эта смерть была уже близка — передал мне рукопись. А тогда он получил ее с почты на третий день и начал читать нашему притихшему кружку на четвертый день вечером, в том же самом холле и с огромным успехом. Дамы, которые собирались уехать, но говорили, что останутся, разумеется, не остались. Как было решено ранее, они уехали, по их словам, сгорая от любопытства, вызванного тем немногим, чем он уже успел раззадорить нас. Но маленький кружок его слушателей после этого только сплотился теснее, стал более избранным, объединив нас у камина в общем трепете.

Прежде всего мы узнали, что рукопись продолжает устный рассказ с того места, которое в известном смысле может считаться началом всей истории. Самое важное заключалось в том, что эта знакомая Дугласа,

младшая дочь бедного деревенского пастора, девушка двадцати лет, в страшном волнении приехала в Лондон, оставив свое первое место учительницы в школе, чтобы лично ответить на объявление, с автором которого она заранее списалась. Для окончательного решения вопроса она явилась в дом на Гарлей-стрит¹, который оказался громадным и внушительным, и там познакомилась со своим будущим патроном. Это был джентльмен в цвете лет, холостяк и истинный денди, словом, такая фигура, какую растерянная и взволнованная девушка из Гэмпширского пастората могла увидеть разве только во сне или в старинном романе. Этот тип легко поддается зарисовке: слава богу, он у нас никогда не переводится. Джентльмен был очень красив, держался уверенно и свободно, был любезен и благожелателен. Он поразил ее своей галантностью и великолепием —

---

¹ Именно здесь, на Гарлей-стрит, где традиционно располагаются приемные частных консультирующих врачей, состоялась встреча «страшно взволнованной» гувернантки с ее будущим нанимателем, неким лондонским джентльменом. С этой встречи, для которой Джеймс скорее всего не случайно подыскал столь значимое место, началась цепь травматических эпизодов, оказавшихся критическими для психики героини. Затем последовали две бессонные ночи в Лондоне, полный нервного напряжения путь в Блай и первая ночь, проведенная в поместье без сна. Но самым главным потрясением, должно быть, стало то обстоятельство, что лондонский наниматель, о котором гувернантка, видимо, с тех пор размышляла, переслал ей нераспечатанное письмо, сообщающее об отчислении Майлса из школы. Факт этот со всей очевидностью должен был указать ей на твердое намерение опекуна Майлса и Флоры не только ни во что не вмешиваться, но и не вступать в необходимую переписку по поводу, казалось бы, требующему его безотлагательного решения. Получив этот знак полнейшего пренебрежения, и без того обессиленная от нервного напряжения гувернантка, вероятно, терпит крушение всех романтических надежд.

это было неизбежно, но более всего ее пленило, а впоследствии очень помогло и придало ей мужества то, что он представил ей все дело чем-то вроде одолжения и милости с ее стороны, которые он готов принять с благодарностью. Она поняла, что он богат, но страшно расточителен, увидела его во всем блеске красоты, светскости, дорого стоящих привычек, очаровательных манер в обращении с женщинами. Его городской резиденцией был этот громадный особняк, набитый сувенирами путешествий и охотничьими трофеями; но он выразил желание, чтобы девушка немедленно отправилась в его загородный дом, старинную усадьбу его семьи в Эссексе.

После смерти их родителей в Индии ему пришлось сделаться опекуном двоих малолетних племянников, сына и дочери его младшего брата-офицера, которого он потерял два года тому назад. Эти двое детей стали тяжелой обузой для человека его положения, одинокого холостяка без необходимого в таких случаях опыта и без капли терпения. Ему было нелегко, и он, несомненно, совершил целый ряд ошибок, однако, всей душой жалея бедных птенцов, он сделал для них все, что мог, главное же — отправил их в свой второй дом, ибо детям, разумеется, больше подходила сельская местность, и поселил там с самыми лучшими людьми, каких только мог найти, пожертвовав даже личными своими слугами, и сам навещался к детям, когда мог, посмотреть, как им живется. Трудность заключалась в том, что у них не было других родственников, а у него все время уходило на личные дела. Он отдал им во владение усадьбу Блай, место тихое и здоровое, поставив

во главе маленького хозяйства, ограничивавшегося, правда, одним только нижним этажом, миссис Гроуз, превосходную женщину, которая, как он был уверен, должна понравиться его гостье; а прежде она была горничной его матери. Теперь она стала экономкой, временно присматривает за девочкой и, не имея собственных детей, очень ее любит. Там много и другой прислуги, но, разумеется, верховная власть будет принадлежать молодой особе, которая поедет туда гувернанткой. На каникулах ей придется смотреть и за мальчиком, которого отдали на один семестр в школу, хотя это и рано, однако что же еще можно было сделать? — он должен со дня на день вернуться домой, ибо каникулы уже начинаются. Вначале обоим детям вела молодая женщина, которую они имели несчастье потерять. Она прекрасно справлялась с обоими до самой своей смерти. Это была в высшей степени уважаемая особа, — а после этого крайне прискорбного события не оставалось ничего другого, как отдать Майлса в школу. С тех пор миссис Гроуз присматривает как умеет за Флорой — по части манер и всего прочего, а кроме нее, в доме есть кухарка, горничная, скотница, старый пони, старый конюх и старый садовник — все публика весьма почтенная.

Когда Дуглас довел свое вступление до этого места, кто-то задал ему вопрос:

— А отчего же умерла прежняя гувернантка, не от избытка ли уважаемости?

Наш друг ответил, нимало не медля:

— Это вы узнаете в свое время. Я ничего не предвосхищаю.

— Простите, мне подумалось, что вы именно предвосхищаете.

— На месте ее преемницы я бы полюбопытствовал, не в самой ли должности таилась... — предположил я.

— Неизбежная опасность для жизни? — закончил Дуглас мою мысль. — Она пожелала это узнать — и узнала. Что именно она узнала, вы услышите завтра. А в то время будущее представлялось ей довольно мрачным. Она была молода, неопытна, нервна; воображение рисовало ей трудные обязанности, полное отсутствие общества, одиночество, поистине беспредельное. Она заколебалась — попросила два дня отсрочки, чтобы подумать и посоветоваться. Однако предложенная плата намного превышала ее скромную мерку, и при втором свидании она решилась, она приняла предложенное место. — И тут Дуглас сделал паузу, которая позволила мне вставить, в интересах всего общества:

— Мораль, конечно, такова, что великолепный молодой человек пустил в ход оболъщение. И она не устояла.

Дуглас поднялся с места и, так же, как вчера вечером, подойдя к камину, толкнул ногой полено и с минуту постоял спиной к нам.

— Она виделась с ним всего два раза.

— Да, но в этом-то и была вся прелесть ее увлечения!

И тут Дуглас, несколько удивив меня, повернулся ко мне.

— Да, в этом-то и была вся прелесть. Нашлись и другие, которые перед ним устояли, — продолжал Дуглас. — Милорд откровенно рассказал ей о главном препятствии: для нескольких кандидаток его условия оказались неприемлемыми. Они почему-то просто боялись. Для

них это звучало странно, было непонятно, и больше всего из-за главного условия.

— Которое заключалось?...

— В том, что она никогда, ни под каким видом не должна беспокоить милорда: ни о чем не просить; не жаловаться, ни в коем случае не писать ему — решать все вопросы самостоятельно, получать все деньги от его поверенного, взять на себя все, а его оставить в покое. Она обещала все это и потом призналась мне, что, когда он ощутил себя наконец-то свободным, то, вне себя от радости, на минуту задержал ее руку в своей, благодаря ее за эту жертву, и она почувствовала себя так, словно уже получила награду.

— Но разве только это было ее наградой? — спросила одна из дам.

— Больше она никогда его не видела.

— О! — воскликнула дама; и так как наш друг немедленно покинул нас, то это и было единственным словом, относившимся к теме нашей беседы, до тех пор, пока на следующий вечер, в том же углу перед камином, он, сидя в самом удобном кресле, не развернул перед нами тоненький старомодный альбом с золотым обрезом, в выцветшем красном переплете. Чтение заняло не один вечер, а несколько, и в первый вечер та же дама задала еще один вопрос:

— Какое у вас заглавие?

— У меня нет заглавия.

— Зато у меня оно есть, — сказал я.

Но Дуглас, не слушая меня, уже начал читать с той прекрасной ясностью дикции, которая словно передавала слуху изящество авторского почерка.

I

Я вспоминаю все начало этой истории как ряд взлетов и падений, как легкое качание между верным и ошибочным. В Лондоне, согласившись на его предложение, я провела, во всяком случае, два очень тяжелых дня — то впадая в сомнение, то уверяясь, что я действительно совершила ошибку. В таком состоянии духа я провела и долгие часы в тряском почтовом дилижансе, который довез меня до станции, где меня должна была встретить коляска из имения. Как мне сообщили, экипаж был уже выслан, и к концу июньского дня я увидела поджидавшую меня удобную коляску. Проезжая в вечерний час в этот чудесный день по таким местам, где вся прелесть лета, казалось, дружески приветствовала меня, я снова воспрянула духом и, как только мы свернули в аллею, вздохнула с облегчением, что было, вероятно, лишним доказательством того, как сильно я приуныла. Мне кажется, я ожидала или боялась встретить нечто крайне мрачное, и то, что открылось передо мною, было радостной неожиданностью. Я вспоминаю, как самое приятное впечатление, широкий, светлый фасад, открытые окна, новые занавеси и двух горничных, выглядывавших из окон; я вспоминаю лужайку с яркими цветами, хруст колес по гравию и сомкнувшиеся кроны деревьев, над которыми в золотистом небе с криком кружились грачи. Картина была величественная, чем она сильно отличалась от скудости моего родного дома, — и почти в ту же минуту, держа за руку маленькую девочку, в дверях показалась солидная особа, присевшая передо мною так почтительно, словно я была сама хозяйка дома или

знатная гостья. На Гарлей-стрит я получила далеко не столь выгодное представление об усадьбе, и тут, сколько помнится, ее владелец еще более возвысился в моих глазах, и я подумала, что мое будущее намного превосходит все его обещания.

В тот день я больше не испытывала уныния, ибо в течение следующих часов меня захватило и увлекло знакомство с младшей моей воспитанницей. Девочка, сопровождавшая миссис Гроуз, с первого взгляда показалась мне таким очаровательным существом, что иметь с ней дело представлялось мне великим счастьем. Мне никогда еще не доводилось видеть ребенка красивее, и впоследствии я удивлялась, почему мой патрон не рассказал мне о ней побольше. Я плохо спала в ту ночь, — я была слишком взволнована; и это радостное волнение удивляло меня и, как я вспоминаю, неотступно владело мною, усиливая впечатление от щедрости и великодушия, с какими я была встречена. Большая, внушительная комната, одна из лучших в доме, широкая парадная кровать, узорные драпировки, высокие зеркала, где впервые в жизни я могла видеть себя с ног до головы, — все это поражало меня, так же как и необычайная прелесть моей маленькой воспитанницы, так же как и все то, с чем мне впервые пришлось столкнуться.

С первой же минуты мне пришлось столкнуться с мыслью о том, как сложатся мои отношения с миссис Гроуз, с мыслью, которая, боюсь, угнетала меня еще дорогой, в почтовой карете. Единственное, что при первых наблюдениях могло заставить меня держаться настороже, было то обстоятельство, что миссис Гроуз до

крайности обрадовалась мне. Я в первые же полчаса это заметила: она до такой степени обрадовалась, — дородная, простодушная, некрасивая, опрятная, здоровая женщина, — что даже остерегалась слишком проявлять свою радость. Тогда я даже слегка удивилась, для чего бы ей это скрывать, и вместе с раздумьем и подозрениями это могло, разумеется, встревожить меня.

Но для меня служило утешением, что ничто тревожное не могло быть связано с таким воплощением счастья, как сияющий облик моей девочки, ангельская красота которой, вероятно, более всего другого вызывала беспокойство, заставившее меня до утра несколько раз подниматься и бродить по комнате, пытаюсь осмыслить всю картину в настоящем и будущем; следить в открытое окно за слабыми проблесками рассвета, разглядывать те части дома, которые мне были видны в окно, и, по мере того как рассеивались тени и начинали щебетать первые птицы, прислушиваться, не повторится ли тот или иной звук, менее естественный, который мне почудился, не вне дома, а внутри. Была минута, когда мне показалось, будто я услышала далекий и слабый детский крик; была и другая, когда я уже наяву, с полным сознанием, вздрогнула, услышав легкие шаги в коридоре, перед моей дверью. Но все эти фантазии были слишком зыбки и потому сразу отвергнуты и отброшены мною, и только в свете или, лучше сказать, во мраке иных последующих событий они вспоминаются мне теперь. Смотреть за маленькой Флорой, учить, «формировать», воспитывать ее слишком очевидно могло сделать мою жизнь счастливой и содержательной. В покоях нижнего этажа между нами

было условлено, что после первой ночи она, разумеется, будет спать со мной в моей комнате, и ее маленькую белую кроватку перенесли ко мне в спальню. Вся забота о Флоре отныне переходила ко мне, и только на этот последний раз она осталась с миссис Гроуз единственно потому, что мы приняли во внимание то, что я, несомненно, чужая Флоре, и подумали о природной робости девочки. Вопреки этой ее робости, в которой она призналась мне и миссис Гроуз откровенно и храбро, без всякого смущения и неловкости, с глубокой и ясной кротостью рафаэлевского Младенца, позволяя нам судить ее поступки и выносить решения, — вопреки всему этому я предчувствовала, что она скоро полюбит меня.

Вот почему я успела привязаться и к самой миссис Гроуз — я видела, как радуется ей то, что я люблюсь и восхищаюсь моей воспитанницей, сидя с ней за ужином при четырех высоких свечах, — а Флора, между этими свечами, в нагруднике, на высоком стуле, весело смотрит на меня из-за своей чашки с молоком и хлебом. Вполне естественно, о многих вещах мы могли говорить при Флоре только темными и окольными намеками, обмениваясь изумленными и радостными взглядами.

— А мальчик? Он похож на нее? Тоже такой необыкновенный?

Ребенку льстить не станешь.

— Ах, мисс, очень даже необыкновенный. — И она остановилась с тарелкой в руках, просияв улыбкой на нашу маленькую подружку, а та переводила взгляд с нее на меня. — Если уж вам эта понравилась!

— Да, ну так что же?

— А в нашего маленького джентльмена вы прямо влюбитесь!

— Мне кажется, для того я и приехала. Я ведь довольно легко увлекаюсь. В Лондоне я тоже увлеклась!

До сих пор я помню широкое лицо миссис Гроуз, когда она поняла, о чем я говорю.

— На Гарлей-стрит?

— Да, там.

— Что ж, мисс, не вы первая, не вы и последняя.

— Ах, у меня нет претензий быть единственной. — Я смогла даже улыбнуться. — Во всяком случае, мой второй воспитанник, насколько я поняла, приезжает завтра?

— Не завтра, в пятницу, мисс. Он приедет с дилижансом, как и вы, мисс, за ним присмотрит кондуктор, и встретить его должна та же коляска.

Я поспешила ответить ей, что именно поэтому будет приличней, приятней и дружелюбней, если я сама поеду к прибытию почтового дилижанса и, вдвоем с его маленькой сестрицей, встречу мальчика там, а миссис Гроуз подхватила эту мысль с такой готовностью, что я восприняла ее поведение как утешительный залог того, — слава богу, она осталась мне верна! — что мы с ней всегда и во всем будем заодно. О, она радовалась, что я тут!

Мои чувства на следующий день, мне думается, по справедливости можно назвать реакцией после первых радостей приезда: вероятно, самое большее, это была лишь легкая угнетенность, порожденная во мне более полным представлением о масштабах моих новых обязанностей и нового окружения, после того как я рассмотрела их и измерила. К таким размерам и к такому объему я не была подготовлена, хотя встретила их

довольно бодро, слегка пугаясь и вместе с тем слегка гордясь. Уроки, разумеется, ввиду стольких волнений, пришлось отложить: я рассудила, что первая моя обязанность привлечь к себе ребенка самыми мягкими средствами, позволив ему сначала привыкнуть. Я провела с девочкой весь день на воздухе и, к великому удовольствию Флоры, обещала ей, что никто другой, кроме нее, не будет показывать мне усадьбу. Она показывала ее мне шаг за шагом, комнату за комнатой и секрет за секретом, болтая по-детски забавно и мило, и в результате мы с ней уже через полчаса сделались близкими друзьями. Хотя девочка была очень мала, меня поразило, во время нашего обхода пустых покоев и мрачных коридоров, на головокружительных лестницах, где я невольно останавливалась, и даже на вершине старой башни с бойницами, где у меня закружилась голова, с какой уверенностью и смелостью она шла, болтая об утренних уроках музыки, стремясь рассказывать мне гораздо более, чем расспрашивать меня, и ее оживление звучало в воздухе и вело меня вперед. Я не видела больше усадьбы Блай с тех самых пор, как покинула ее, и думаю, что теперь, на мой более зрелый и более опытный взгляд, она показалась бы сильно сократившейся. Но когда на крутых поворотах передо мной мелькали золотые волосы и голубое платье моей маленькой проводницы и по переходам разносился топот ее маленьких ножек, я видела перед собой волшебный романтический замок, обитаемый светлым эльфом; весь колорит, все краски этого замка, казалось мне, были заимствованы из сказок и легенд. И в самом деле, уж не задремала ли я над книгой волшебных сказок, не замечталась ли над ней? Нет, это был только большой старинный дом, некрасивый,

но удобный, воплощавший некоторые черты более древнего здания, наполовину перестроенного и наполовину использованного, где, как я воображала, мы чуть не застряли, словно горстка пассажиров на большом дрейфующем корабле. И, самое странное, — у руля была я!

II

Это стало мне ясно, когда двумя днями позже я ехала вместе с Флорой встречать «нашего маленького джентльмена», как назвала его миссис Гроуз; и тем яснее, что меня глубоко взволновал случай, произошедший на второй вечер после моего приезда. Первый день, как я уже говорила, в общем скорее успокоил меня, но мне пришлось еще увидеть, как он закончился мрачным предзнаменованием. Вечером в почтовой сумке, — а почта пришла поздно, — оказалось письмо для меня, написанное рукой моего патрона; оно состояло всего из нескольких слов и включало другое, адресованное ему самому, с еще не сломанной печатью. «Это, кажется, письмо от начальника школы, а он ужасно скучный тип. Прочтите, пожалуйста, и договоритесь с ним; но смотрите, не пишите мне ни слова, я уезжаю!» Я сломала печать с усилием, тем большим, что очень долго не могла на это решиться, наконец взяла невскрытое послание к себе в комнату и принялась за него только перед сном. А лучше было бы не трогать его до утра — оно принесло мне вторую бессонную ночь. На следующий день я была в полном отчаянии, не зная, с кем посоветоваться, и под конец оно одолело меня настолько, что я решила открыться хоть миссис Гроуз.

— Что это значит? Мальчика исключили из школы. Она бросила на меня взгляд, который мне запомнился сразу, потом, словно спохватившись, сделала попытку отвести глаза в сторону.

— Но ведь их всех?..

— Распускают по домам — да. Но только на каникулы. А Майлса просят не возвращаться совсем.

Она заметно покраснела под моим пристальным взглядом.

— Не хотят брать его обратно?

— Решительно отказываются.

Она стояла отвернувшись, но тут подняла глаза, и я увидела, что они полны слез.

— Что же такое он сделал?

Я сначала колебалась, потом решила, что лучше всего просто отдать ей письмо в руки, однако это только заставило ее, не взяв письма, убрать руки за спину. Она грустно покачала головой:

— Не про меня писано, мисс.

Моя советчица не умела читать! Я поморщилась, смягчила, как могла, свой промах и развернула письмо, чтобы прочитывать его миссис Гроуз, но, не решившись, снова сложила его и сунула в карман.

— Он и правда плохо себя ведет? — Слезы все стояли в ее глазах. — Эти господа так говорят?

— В подробности они не вдаются. Они только выразили сожаление, что не имеют возможности держать его в школе. Это может значить лишь одно...

Миссис Гроуз слушала в немом волнении; она не осмелилась спросить меня, что именно это может значить, и потому, немного помолчав, я продолжала, хотя бы для

того, чтобы уяснить дело самой себе с помощью присутствия миссис Гроуз.

— Что он портит других детей.

Тут она вся вспыхнула, с той быстротой перехода, какая свойственна простым людям:

— Майлс! Это он-то портит?!

На меня хлынуло такое море доверия, что, хотя я еще не видела ребенка, самые мои страхи показались мне сущей нелепостью. Чтобы моя приятельница поняла меня лучше, чтобы ближе подойти к ней, я откликнулась на ее слова саркастическим тоном:

— Своих сверстников, бедных невинных крошек!

— Ужасы какие! — воскликнула миссис Гроуз. — Ну можно ли говорить такие бессердечные слова! Ведь ему и десяти лет еще нет!

— Да, да. Это просто невысказано.

Она явно обрадовалась такому суждению.

— Вы сначала поглядите на него, мисс. А потом уж — поверите!

Мне нетерпеливо захотелось сию минуту его увидеть: так зарождалось любопытство, которое в ближайшие часы должно было углубиться до страдания. Насколько я могла судить, миссис Гроуз понимала, какое впечатление она произвела, и твердо направляла меня к своей цели.

— Еще бы вы и про маленькую леди тому же поверили! Вы только взгляните на нее, Господь с ней!

Я обернулась и увидела, что Флора, которую за десять минут до того я оставила в детской перед чистым листом бумаги, карандашом и прописью с хорошенькими круглыми «О», теперь появилась перед нами в открытых дверях. Она по-своему, по-детски, выражала

крайнюю отрешенность от надоедливых уроков, однако глядела на меня с тем светлым детским выражением, которое говорило, что одна только зарождающаяся привязанность к моей особе заставляет ее неотступно ходить за мной по пятам. Мне же не нужно было ничего другого, чтобы почувствовать всю силу сравнения миссис Гроуз, и, заключив в объятия мою воспитанницу, я покрыла ее личико поцелуями, в которых слышался отзвук рыданий, испугающих мою вину.

Тем не менее весь остальной день я искала случая подойти к моей подруге, особенно потому, что к вечеру мне начало казаться, будто она меня избегает. Помню, что я перехватила ее на лестнице, мы вместе сошли вниз и у подножия лестницы я остановила ее, положив руку ей на плечо.

— То, что вы сказали мне нынче в полдень, я сочту заявлением, что вы никогда не знали за мальчиком ничего худого.

Миссис Гроуз откинула голову назад; на сей раз она явно и очень старательно играла какую-то роль:

— Чтоб я никогда ничего такого не знала, нет, за это не поручусь!

Я снова заволновалась:

— Так, значит, вы знали?..

— Да, да, мисс, слава богу!

Подумав, я согласилась с ней:

— Вы хотите сказать, что если мальчик никогда...

— Тогда это не мальчик, по-моему!

Я обняла ее крепче.

— Вам больше нравится, когда мальчики склонны показничать? — И чтобы не отстать от нее, я живо под-

хватила: — И мне тоже! Но не до такой же степени, чтобы развращать других...

— Развращать? — Мое громкое слово не дошло до нее.

Я объяснила:

— Портить.

Она глядела на меня пристально, стараясь понять смысл моих слов, но они вызвали у нее неуместный и непонятный смех.

— Вы боитесь, как бы он и вас не испортил?

Она задала этот вопрос с таким чудесным, таким откровенным юмором, что и я тоже рассмеялась, не желая отставать от нее, смехом, звучавшим не слишком умно, и на время отступилась с расспросами из страха показаться смешной.

Но на следующий день, перед тем как нам подали коляску, я попыталась разведать о другом.

— А какая была та особа, что жила здесь до меня?

— Бывшая гувернантка? Она тоже была молодая и хорошенькая... почти такая же молоденькая и почти такая же хорошенькая, как вы, мисс.

— Ах, в таком случае надеюсь, что ее молодость и красота помогли ей! — помню, нечаянно вырвалось у меня. — Кажется, он любит нас молодыми и красивыми!

— Ох, так оно и было, — подтвердила миссис Гроуз. — Вот за это он всех и любил! — Но, едва договорив, она тут же спохватилась: — Я хочу сказать, мисс, что это у него, у милорда, такая привычка.

Я поразилась:

— А о ком же вы говорили сначала?

Ее взгляд не выразил ничего, но она покраснела.

— Да о нем же.

— О милорде?

— А о ком же еще?

Ничего другого тут не могло быть, и в следующую минуту впечатление, будто она нечаянно проговорила и сказала больше, чем хотела, прошло; я только спросила о том, что мне хотелось узнать:

— А она замечала за мальчиком что-нибудь?..

— Что-нибудь дурное? Она мне никогда ничего не говорила.

Я почувствовала угрызения совести, но преодолела их.

— Была она заботлива... внимательна?

Миссис Гроуз задумалась, словно ей хотелось ответить добросовестно.

— В некоторых отношениях — да.

— Но не во всем?

Она опять задумалась.

— Что же вам сказать, мисс, — ее больше нет. Сплетничать я не буду.

— Я очень хорошо понимаю вас, — поспешила я ответить, но через минуту решила продолжать вопреки этой оговорке:

— Она здесь и умерла?

— Нет... она уехала.

Не знаю, что именно в краткости ответов миссис Гроуз показалось мне двусмысленным.

— Уехала умирать?

Миссис Гроуз глядела в окно, но мне казалось, что я все же вправе узнать, какого поведения ожидают от молодой особы, служащей в усадьбе Блай.

— Вы хотите сказать, что она захворала и уехала домой?

— У нас в доме она не хворала, ничего такого не было заметно. Она уехала в конце года домой отдохнуть ненадолго, и сама так говорила, и уж, конечно, имела право отдохнуть, прослужив столько времени. У нас была тогда одна молодая женщина — бывшая нянька, которая осталась жить здесь, — хорошая, ловкая девушка, — и на это время мы ее приставили к детям. А наша мисс больше не вернулась, и, как раз когда мы ее поджидали, я узнала от милорда, что она умерла.

Я задумалась над ее словами.

— Но от чего же?

— Он мне не сказал! Извините, мисс, мне надо идти работать.

III

То, что она вдруг повернулась ко мне спиной, к счастью для меня, озабоченной всеми этими мыслями, оказалось не настолько обидным, чтобы препятствовать все возраставшему между нами чувству взаимного уважения. После того как я привезла домой маленького Майлса, мы с ней встретились еще дружелюбнее, несмотря на мою полную растерянность и взволнованность: чтобы такого ребенка, какой сейчас предстал передо мною, можно было подвергнуть отлучению — нет, я готова была назвать это чудовищным. Я немного опоздала на место свидания, и, когда он стоял перед дверями гостиницы, где высадил его почтовый дилижанс, в задумчивости поджидая меня, я почувствовала, что вижу его всего, извне и изнутри, в полном блеске и свежести, в том жизнеутверждающем благоухании

чистоты, в каком я с первой же минуты увидела и его сестру. Он был невероятно хорош собой, а миссис Гроуз еще подчеркнула это: его появлением было сметено все, кроме бурной нежности к нему. Я раз навсегда привязалась к мальчику всем сердцем. За то божественное, чего я потом не могла найти в равной степени ни в одном ребенке; за то не передаваемое ничем выражение, что в этом мире он не знает ничего, кроме любви. Невозможно было бы носить свою дурную славу с большей кротостью и невинностью, и когда я вернулась вместе с ним в Блай, то чувствовала себя озадаченной, если не оскорбленной, при мысли о том, что ужасное письмо лежит у меня в комнате под замком, в комод. Как только я смогла перемолвиться словом с миссис Гроуз, я прямо сказала ей, что это возмутительно и нелепо.

Она сразу поняла меня:

— Вы про это жестокое обвинение?

— Да... ему ни минуты не веришь. Милая моя, вы только взгляните на мальчика!

Она улыбнулась на такую претензию — будто бы я первая открыла его обаяние.

— Я только и делаю, что гляжу на него. Ну, что же вы теперь ответите, мисс? — тут же прибавила она.

— На это письмо? — Я уже решилась. — Ничего не отвечу.

— А его дяде?

Я упорствовала:

— И дяде ничего.

— А самому мальчику?

Я ее удивила:

— И мальчику ничего не скажу.

Она решительно утерла губы фартуком:

— Тогда я буду стоять за вас. Вдвоем с вами мы выдержим.

— Вдвоем мы с вами выдержим! — горячо откликнулась я, подавая руку миссис Гроуз, как бы для того, чтобы скрепить нашу клятву.

С минуту она держала мою руку в своей, потом еще раз утерлась фартуком:

— Вы не обидитесь, мисс, если я себе позволю...

— Поцеловать меня? Нет, не обижусь.

Я поцеловала эту добрую женщину, и, когда мы обнялись, как сестры, я почувствовала себя еще более разгневанной и еще более твердой в своем решении.

Так, во всяком случае, было в то время — время до того полное событий, что теперь, когда я вспоминаю, как стремительно оно уходило, мне становится понятно, сколько надобно искусства, чтобы отчетливо изложить нарастающий ход событий. На что я оглядываюсь с изумлением, так это на ту ситуацию, с которой я мирилась. Я приняла решение довести дело до конца совместно с моей компаньонкой и, по-видимому, оказалась во власти каких-то чар, воображая, что преодолеть все, даже очень отдаленно связанное с этим непосильным подвигом, будет не слишком трудно. Высокая волна жалости и любви подняла меня на гребень. В моей неискушенности, в моем смятении и, быть может, в моей самонадеянности мне казалось очень простой задачей поладить с мальчиком, воспитание которого для общества только-только началось. Не могу даже припомнить сейчас, какие планы я строила, чтобы закончить каникулы и возобновить

с ним занятия. В самом деле, нам всем казалось, что этим прелестным летом ему полагалось брать у меня уроки, но теперь я понимаю, что несколько недель эти уроки брала я. Я узнала кое-что такое вначале, во всяком случае, чему не обучали в моей мелкой и душевной жизни: научилась развлекаться и даже развлекать и не думать о завтрашнем дне. Впервые я поняла, что такое простор, воздух и свобода, вся музыка лета и вся тайна природы. А кроме того, была и награда, и награда эта была сладка. О, это была ловушка — непредумышленная, но хитрая, — ловушка для моей фантазии, для моей деликатности, быть может, для моего тщеславия; для всего, что было во мне самым экспансивным, самым возбудимым. Всего нагляднее будет сказать, что я забыла об осторожности. С детьми было так мало хлопот, — они были так необычайно кротки. Бывало, я пускалась воображать — но даже и это смутно и бессвязно, — как грубая будущность (ибо всякая будущность груба!) изомнет их и может им повредить. Они цвели здоровьем и счастьем; и все же у меня на руках были как будто два маленьких гранда, два принца крови, которых все, как полагается, должно было защищать и ограждать, и единственное подходящее место для них, как мне казалось, было нечто вроде королевского, поистине романтического парка или обширного сада. Возможно, разумеется, что главным тут было очарование тишины — молчания, в котором что-то назревает или подкрадывается. Внезапная перемена была действительно похожа на прыжок зверя.

Первые недели дни тянулись долго; нередко, в самую лучшую погоду, они давали мне то, что я называла своим собственным часом; когда для моих воспитанников уже

Содержание

Поворот винта (<i>Повесть</i>).....	5
Зверь в чаще (<i>Рассказ</i>)	171

Літературно-художнє видання

ДЖЕЙМС Генрі
Поворот гвинта
(російською мовою)

Керівник проекту *В. А. Тютюнник*
Відповідальний за випуск *К. В. Озерова*
Художній редактор *А. В. Белякова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 13.11.2018. Формат 84x108/32. Друк офсетний.
Гарнітура «Adonis». Ум. друк. арк. 12,6. Наклад 4500 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля» Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано згідно з наданим оригінал-макетом
у друкарні «Фактор-Друк»
61030, м. Харків, вул. Саратовська, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

Литературно-художественное издание

ДЖЕЙМС Генри
Поворот винта

Руководитель проекта *В. А. Тютюнник*
Ответственный за выпуск *Е. В. Озерова*
Художественный редактор *А. В. Белякова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 13.11.2018. Формат 84x108/32. Печать офсетная.
Гарнитура «Adonis». Усл. печ. л. 12,6. Тираж 4500 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга» Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а. E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано согласно предоставленному оригинал-макету
в типографии «Фактор-Друк»
61030, г. Харьков, ул. Саратовская, 51. Тел.: + 3 8 057 717 53 57

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093) 170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Київстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: www.bookclub.ua
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Заможний лондонський денді шукає гувернантку для своїх племінників. Він бере на роботу молоду дівчину, аби вона піклувалася про Майлза та Флору. Також він попереджає дівчину, що вона ніколи, в жодному випадку не повинна його турбувати, про щось просити, скаржитися або писати йому листи. Діти вражають гувернантку своєю красою. Вони тихі й слухняні, але дуже дивні. Від економки, міс Гровз, дівчина дізнається, що попередня гувернантка померла за загадкових обставин. Одного разу дівчина помічає дивні фігури чоловіка і жінки. Це примари!.. У старому маєтку починає коїтися щось страшне та незрозуміле.

Джеймс Г.

Д40 Поворот винта / Генри Джеймс ; пер. с англ. Н. Дарузес, Э. Линецкой. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2019. — 240 с.

ISBN 978-617-12-5595-1

Состоятельный лондонский денди ищет гувернантку для своих племянников. Он берет на работу молодую девушку и вверяет ей опеку над Майлзом и Флорой. Также он предупреждает девушку, что никогда, ни под каким предлогом она не должна его беспокоить, просить о чем-то, жаловаться или писать ему письма. Дети поражают гувернантку своей красотой. Они тихие и послушные, но очень странные. От экономки, мисс Гроуз, девушка узнает, что предыдущая гувернантка умерла при загадочных обстоятельствах. Однажды девушка замечает странные фигуры мужчины и женщины. Это призраки!.. В старом поместье начинается происходить что-то пугающее и необъяснимое.

УДК 821.111(73)